Мне казалось, как только Толстяк уступит мне дорогу, я увижу что-то ужасное, но это было не так. За воротами лишь крутые ступени, по которым я раньше поднимался, направляясь в храм. Когда я впервые шел сюда, меня предупреждали, что эта древняя лестница очень опасна и трудна для подъема. Но позже я понял, что обычные походные ботинки с ребристой подошвой решают все проблемы, с тех пор легко ходил туда и обратно.

На площадке у ворот было пусто, снег аккуратно сметен. Я спросил Толстяка: "И что такого ты увидел? При чем тут грехи в моей прошлой жизни? Это прикол такой?"

"Смотри внимательно. У ворот снег убрали. И первые семь ступеней подметены. А дальше снег никто не убирал. Я тут топтался, когда следил за тобой, там мои следы до сих пор остались. Если бы из храма кто-то уходил, мои следы были бы затоптаны".

"Хочешь сказать, что все исчезнувшие люди до сих пор находятся в храме, и никуда не уходили?" — ужаснулся я.

Толстяк спросил: "А ты не знаешь, может в храме есть другие выходы?"

Я покачал головой. Насколько мне известно, здесь только один вход. В противном случае никого не удивило бы появление Молчуна. Если здесь и есть другой выход, то он ведет только в горы.

Естественно, Толстяк не медлил с выводом: "Значит, либо все до сих пор прячутся в храме, либо свалили в горы, откуда пришел когда-то младший брат?"

Я покачал головой: "Невозможно. Это не имеет смысла. Мы ненадолго оставили Чжан Хайкэ и Чжан Хайсин. Неужели за такое короткое время они передумали и отправились в горы без нас?"

"Почему ты считаешь такое невозможным? Кажется, они жрали какую-то виагру для ускорения развития. Скорость мышления у них может быть такой же, как и скорость движений".

"Но мы упускаем один момент. Ушли не только Чжаны. Лам в храме тоже нет".

Толстяк шевельнул плечами, словно хотел размяться, и вдруг вспомнил, что у него на спине тело человека. Положив его на землю, он сказал: "Надо же, я совсем о нем забыл. Зачем мы себе мозги ломаем? Давай приведем его в чувство, он может что-то знать. Вообще-то душа господина Толстяка в смятении. Такое чувство, что здесь полностью отсутствует логика. Кажется, словно сборище призраков собралось здесь, чтобы устроить для меня интересное шоу. Однако, этот парень однозначно не призрак".

На улице было слишком холодно, поэтому мы вернулись в храм. Толстяк заявил: "Раз тут нет людей, нам нет необходимости тащиться в твою комнату. Бродить по храму может быть опасно. И там этот гад такой бардак устроил. Лучше пошли в келью старшего ламы, у него чисто и удобно. И, кстати, мы не осмотрели заднюю комнату в его келье. Может, найдем там что-нибудь интересное".

Я возмутился: "Ты снова за свое? Одно дело обносить гробницы, но красть у живых — это даже для тебя слишком".

Толстяк обиделся: "Не звизди! Посмотри на ситуацию с правильной стороны. Мы сейчас являемся поисково-спасательным отрядом, а спасатели могут обыскивать имущество

пропавших, чтобы собрать информацию".

Я знаю, что спорить с ним бесполезно, у этого извращенца на все найдется благородная отмазка, поэтому молча пошел за ним.

Вернувшись во дворик ко входу в келью, мы вошли туда, где вчера я беседовал со старшим ламой. Толстяк уложил бесчувственного ламу на землю лицом вверх, а я обошел комнату и зажег все масляные светильники и угольную печь. На улице уже забрезжил рассвет, но небо было затянуто тучами. В помещении все равно было темно, от масляных ламп света немного.

Казалось, ламе, которого я вырубил, стало хуже. Кровотечение из носа и ушей остановилось, зато из-под век вытекала тоненькая красная струйка. Бормоча про себя, я задавался вопросом: неужели я все-таки стал убийцей?

Однако, я же бил не со всей силы. Правда, звук при ударе был громким, но этого, скорее всего, недостаточно, чтобы убить. Вот у младшего брата и вправду рука тяжелая, но я ни разу не видел, чтобы от его побоев кто-то умирал. Может, причина такого плачевного состояния моей жертвы другая?

Найдя какую-то плоскую, я отправился во двор, чтобы набрать снега. Когда он растаял, я нашел тряпку, смочил ее в воде и вытер кровь с лица мужчины, а затем положил мокрую тряпку на глаза, надеясь, что кровотечение прекратится. Прислушавшись, я понял, что он все еще дышит, у него четкий пульс. И вздохнул с облегчением.

Толстяк в это время обыскивал келью старшего ламы. Найдя пару банковских книжек, он беспомощно ругался вполголоса, обозвав ламу бестолковым. Кто же хранит сбережения только в банке? Он совершенно не знает о том, что деньги могут обесцениться в случае экономического кризиса?

Непрерывно ворча, он сдаваться не собирался, обшарил все ящики, сундуки, и даже заглянул в кувшины, стоявшие в углу.

Я спросил его, неужели он считает старшего ламу скрягой, который прячет свои деньги в посуде? Толстяк ответил, что я все неправильно понял. Деньги его сейчас мало волнуют, важнее еда. Торопясь сюда, он не захватил припасов, в последний раз перекусил в местной лавке сутки назад и сейчас умирает с голоду.

Он рассуждал так: "Думаю, питается старший лама лучше остальных. Давай посмотрим, может у него печеньки есть, лапша быстрого приготовления или что-то подобное".

Я ответил: "Старший лама очень набожен, он не уделяет внимания мирским заботам. Здесь все едят традиционные постные блюда, так что не ищи, тут вряд ли что-то есть".

Толстяк настаивал: "Даже если постная еда, сейчас это будет для меня самый лучший деликатес в мире. Я готов сожрать даже глину Гуань-инь". (прим. глина Гуань-инь — белая глина, которую в голодные времена ели бедняки.)

Я вдруг устыдился, услышав его слова. Мне никогда не приходилось заботиться о своем пропитании, я жил на всем готовом. Мне бы в голову не пришло жрать все, что под руку попадется.

Вскоре Толстяк нашел пакет, внутри которого нашлись высушенные травы с приятным ароматом. Сунув кусочек в рот, он принялся жевать. Я испугался за него: "Выплюнь! Вдруг это

какое-то лекарство, которое нельзя есть. Может там красители какие-то или добавки вредные. Ты же можешь умереть!"

"Оно соленое. Ты слышал, чтобы в лекарства соль клали? — он сел рядом со мной. — Хватит трусить, жри давай. Об остальном подумаем на сытый желудок. Слышал поговорку? Три сытых Толстяка справятся даже с Чжугэ Ляном".

Я тоже откусил пару кусочков. Вкус действительно приятный. В комнате стало теплее, потому что двери и окна я закрыл, чтобы чувствовать себя в полной безопасности. Прожевав еду, я сказал: "Давай начнем с самого начала. Ты вроде говорил, что хочешь сказать мне что-то. Самое время сделать это, верно?"

Толстяк сделал глоток чая: "Помнишь, когда я прикидывался тибетцем, то обратился к Чжан Хайсин на местном диалекте?"

Я кивнул и вдруг сообразил, о чем он: "Когда это ты диалект мэньба выучил? Разве ты не говорил, что учеба — не твой конек?" (прим. мэньба — южно-тибетская народность.)

Толстяк ответил: "Это не диалект мэньба. Я говорил на редком местном диалекте, который называется галайхуа. Он немного похож на диалект мэньба. Здесь немногие его знают, не более трех тысяч человек. И я не знаю галайхуа, просто заучил наизусть несколько фраз. Местные, услышав, как я говорю, сразу поняли бы, что я лишь повторяю заученное, как попугай. Но посторонние, даже если знают диалект мэньба, не поймут сказанное на галайхуа. В крайнем случае решат, что это мэньба, но с неправильным акцентом, но смысл не разберут. Кстати, мне эти несколько фраз мозг сломали, пока я их запомнил".

"Тогда Чжан Хайсин заговорила со мной на диалекте мэньба. Я же просто дурачить ее собирался. Народ галай — национальное меньшинство, даже местные не пытаются учить их диалект. Я думал, что она тоже скажет своим, что не поняла ни слова. Но почему она не только сделала вид, что все поняла, и даже перевела какую-то чушь?"

Толстяк сыто рыгнул и подытожил: "Это ведь странно".

Я нахмурился: "Что ты имеешь в виду?"

Толстяк сказал: "Предположим, мне удалось ее одурачить. Она поверила, что я местный. Тогда она так не поступила бы. Чжану Хайкэ она бы честно ответила, что ни черта не поняла. Но она этого не сделала. Вместо того, чтобы честно признаться, она притворилась, что все поняла, и даже перевод придумала. А это значит, что с ней что-то не так".

"У меня есть несколько предположений. Первое. Чжан Хайсин не хочет, чтобы другие уличили ее в незнании местного диалекта. Почему? Может быть, она слишком тщеславна и амбициозна? Думаю, многие в клане Чжан такие, они склонны скрывать свои слабости из-за жесткого воспитания. Но есть другой вариант. В клане Чжан знают, что она говорит на диалекте мэньба, но на самом деле это не так. Тогда Чжан Хайсин может быть подделкой. Или же она сразу поняла, что я — поддельный тибетец, и решила мне подыграть".

Я нахмурился: "Не думаю, что она подделка. Когда она злится, то выглядит очень естественной".

Толстяк покачал головой: "Ты когда-нибудь задумывался, как на самом деле выглядит младший брат? Когда он настоящий? В тот момент, когда притворяется нормальным человеком или когда чудит не по-детски? Все эти Чжаны — отличные актеры. Суперзвезды Голливуда, бля!"

Я вдруг представил странную картину. Мой младший брат и Чжан Хайсин поднимаются на сцену, чтобы получить Оскар. Я даже головой замотал, чтобы отогнать видение оскароносного Молчуна и сказал: "Я думаю, что на самом деле внутри клана Чжан и даже внутри гонконгской семьи Чжан есть какие-то проблемы".

Толстяк кивнул: "Мне тоже так кажется, может быть, внутри клана семьи друг за другом шпионят. И это очень важный момент. Не уверен, что мои выводы верные. Но, даже если мы их найдем, не стоит доверять полностью".

Я кивнул, соглашаясь. Как же все запутанно. Серьезные противники, секретные расследования, запутанные интриги. Если даже внутри клана Чжан творится такое, то масштаб загадочности вообще за пределами моего воображения. И, если дело обстоит именно так, простыми способами со всем этим нам не разобраться.

Но если действительно все так и есть, у меня только один вопрос. Ради чего все это?

Я столько всего пережил, такие тайны сумел распутать, но сейчас чувствую, что зашел в тупик. Если у этого спектакля есть режиссер, то либо он псих, либо гений, создавший столь глубокую интригу, что я не могу ее понять своим примитивным мозгом.

Толстяк задумался, потом покачал головой: "На самом деле у меня есть несколько мыслей по этому поводу. Но тебе это не понравится".

"Почему?" — спросил я.

Толстяк засуетился: "Погодь, я найду бумагу и наглядно все покажу и объясню".

<http://tl.rulate.ru/book/89763/3357061>